

Ирина Костевич

Йокин в Москве

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3-93
ББК 83.8
К72

Костевич И.

Йокин в Москве / И. Костевич — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 94 с.

ISBN 978-5-532-04890-4

Йокин - это плюшевый паучок. У него плохо с дисциплиной и логикой, но в остальном он хорош. В Москву Йокин попадает, чтобы спасти потерявшегося деда Мишу - любимого плюшевого медведя семьи. В основу книги легли документальные факты о похождениях паучка и его знакомстве с основными московскими медведями. В 2016 году повесть "Йокин в Москве" попала в "Длинный список" Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и подростков "Книгуру". Автор - член Союза российских писателей.

Глава 1

Сидели на диване. Молчали.

Потом кот заговорил:

– Ну, а у тебя есть дело, ради которого ты появился на свет?

Паучок только лапой махнул. Ненароком поймал муху.

Серый кот протянул салфетку:

– Извинись перед мухой, отпусти и вытри лапу!

– Как я ей вытру, если отпущу? Вытирать, так уж все. Они где только не ходят, мухи!

Никого не дожидаясь, муха выбралась на свободу сама. Скорчила Йокину с Рыбцом злую рожу, гордо полетела. Врезалась в закрытую форточку, упала. И сидела теперь на подоконнике, жужжа нехорошие слова.

– А там, куда ты едешь, вообще мухи цэцэ летают! Вот надо тебе? – пробормотал Йокин, глядя в пол.

– Я ж сказал: предназначение! У каждого должно быть. Моё – помогать пострадавшим. А муха цэцэ – это мелочь и ерунда против Общества Красного Креста и Полумесяца.

Муха Комнатная оскорбилась. Полетела с подоконника атаковать. Рыбчик отмахивался, закрывался. Но муха как осатанела.

– Зря ты её жалел. Видишь, что творит?

– Это ей нужна психотерапия... – отвечал котик.

Про «психо...» мухе тоже не понравилось. Однако дожужживала она опять в кулаке Йокина.

– Хорошо, – сдался кот. – Не отпускай. Давай посадим её в банку и накормим вареньем. Она подберет и станет не такой базарной.

«Много же варенья придётся Рыбчику тащить с собой в Африку» – Йокин болтал четырьмя задними лапами и тёр глаза четырьмя передними. Текли слёзы. Конечно, он говорил, что опять аллергия...

Муха в банке, объевшись сладкого, задремала. Ей снилось, что она белая птица между прошлым и будущим. Рыбчик снова проверял по списку, всё ли взял из нужного. Лекарства, ноутбук, варенье из лепестков роз, ежевичное, урючное. Чесалка для головы...

– Думаешь, тебя и почесать будет некому... – как мог весело проговорил Йокин.

– Не-ет. Это же я беру для того, чтобы самому кого-то чесать. Терапия!

Пора уже объяснить: Рыбчик улетал в Африку – выполнять ответственную миссию общества Красного Креста и Полумесяца. А позвала его туда давняя парижская знакомая, девушка с каверзным именем Алуа. Теперь плюшевый кот будет помогать справляться с душевными волнениями тем, кому это надо. С его-то тактом и мягкостью Рыбчик надеялся стать важным звеном поддержки несчастных и воцарения мира в их внутреннем мире.

Хозяйка серого кота, Маша, гордилась им, конечно. Поэтому и разрешила ехать. С условием, чтобы не забывал, писал ей часто и возвращался в марте. И любил сильнее, чем эту парижскую А-лу-а.

Жаль, проводить Рыбчика Маша не успела: сама улетела. Только не на юг, а на север, в Москву. Сопроводять старенького деда Мишу, медведя. У него нашёлся родственник. Да как нашёлся-то! Через сайт поиска «Медвежья кровь».

Рыбцу позвонили: подъехало такси. Кот с паучком обнялись. Йокин уже не сдерживал слёз. Взволнованный кот быстро всплакнул в ответ. Но тут же прекратил. Он ведь стоял на рубеже нового. И готовился туда попасть – а это как впервые залезть на эlevator.

– Но ты обязательно найди своё предназначение и мечту! – обернулся с порога Рыбчик. – Мечта необходима для жизни!

Глава 2

Мохнатый брат деда Миши, Владимир Евгеньевич, был кореным москвичом. Вместе с супругой Нонной служил в квартире-музее. Самом лучшем музее Москвы. Снаружи персиковый дом не привлекал внимание. Но внутри всё было наособицу. Например, в гостиной музея окно смотрело прямо с потолка.

Владимир Евгеньевич по-музейному трепетно относился к родственникам. Составил генеалогическое древо. На этом древе плюшевые мишки сидели на ветвях, как воробушки – не меньше полусотни плюшевых мишек. Много, да не все. Теперь, с обретением нового брата, Владимир Евгеньевич наслаждался завершением труда. А также – мыслью о том, как обнимет незнакомого пока Михаила Евгеньевича. По-медвежьи обнимет, от души.

На фотографии Михаил Евгеньевич был явно их породы! Добрая морда, желтоватые белки глаз, скруглённые уши. Но главное – цвет. Только у них в роду медведи получались краснобуро-оранжевыми.

Владимир Евгеньевич и Нонна предавались мечтам и строили планы. А посетители музея рассматривали экспонаты. И радовались, что у медведей, сидящих за столиком в бывшей детской квартиры-музея, такой одухотворённый вид.

Старый Миша не летал на самолётах лет сорок. Вот и ликовал, что снова на земле. Да ещё и в Москве. Почти. В Домодедово.

И пусть сидел он в тесной сумке, вдали от сопровождавшей его Маши. Всё же с минуты на минуту ждал встречи с ней. Да, Миша пока – багаж, а Маша – пассажир, но это всё условности. Совсем скоро его вытащат из сумки, погладят и поговорят. И всё станет правильно. Но только минут становилось больше, они начинали складываться в часы. А сумка так и не попала на багажную ленту в аэропорту, чтобы быть узнанной и забранной хозяйкой. Мише стало

тесно, скучно и тревожно одновременно. Да, он почти в Москве, и брат Володя поглядывает, наверное, на будильник. И вот...

Может, не все знают (а если лично вы знаете, то притворитесь, пожалуйста, что не в курсе) – Домодедово знаменито на весь мир ещё и тем, что здесь по-другому расположено пространство. Оно как-то завихряется. В итоге объявления не доходят до тех, кому предназначены, регистрация на рейсы таинственным образом переносится. А багаж, как в случае с Мишей – теряется. Дело тут не в промахах работников аэропорта, что вы! Просто есть сила куда могущественнее. Она-то и мутит воду в этом омуте, да позволено будет назвать так сей важный узел воздушных сообщений. И силы этой немало. Вся – нечистая, пока не прорвётся в какой-нибудь душ или, на худой конец, в туалет, и не намылится там, как следует.

Вот и Мишу закрутило в этом водовороте непонятно чего. А выбросило в пустом и холодном помещении аэропорта, где сейчас остановился ремонт и только уборщицы заглядывают туда раз за смену. И то, не всегда.

Глава 3

Машуня ревела. Плач бывает разных видов. Кокетливый, словно душистый горошек. Коварный, как пырей – для того, кому плачут. И, наконец, жгучий и горький, словно алоказия (никогда не пробуйте, какова на вкус алоказия!) У Маши от слёз онемел язык и опухло горло. Сами же слёзы были нечеловечески крупны. Неудивительно: плакала-то Машенька по медведю. Сумку ей уже принесли. Со сломанным замком, испачканную. Но, вне сомнения, ту самую. Только пустую.

– Это мамин... детский... её Ми-иша...она его... всю жи-и-изнь...

– Моя ты хорошая, миленькая, ну не плачь же ты так, – белокурая женщина гладила потерпевшую по спине и волосам, жалела и готова была отдать ей все игрушки Москвы и Московской области. Лишь бы эта девчуха-дельфинюха успокоилась и перестала убиваться. Слышать, как люди плачут по-настоящему (а по-настоящему люди плачут очень редко) невыносимо. Женщина эта работала психологом и, что бы там ни твердили про быстрое «эмоциональное выгорание» в такой нервной профессии, Людмила Владимировна оставалась человеческой вопреки. В этом помогал её секрет в сумке. Да, там сидел кот. Игрушечный, с голубыми глазами и собачьим именем Дружок. Кота этого ни-ко-му Людмила Владимировна не показывала. Чтобы не дразнили.

– Будем искать твоего Мишу. Найдём, куда он денется? Везде камеры слежения, потерпи, моя дорогая. Это аэропорт, тут всегда всё находят, – уговаривала она Машу, словно баюкала. – Отыщется...

– Отыщется, – вторил в бауле Дружок. Самым милым и добрым голосом. Тоже ведь переживал: и за Машу, и за медведя.

Маша перестала плакать: «Кто там?» И Людмила Владимировна, впервые в жизни, показала кота. Чужому, в сущности, человеку.

Светло-кремовая шерсть Дружка, хоть и была красивой и густой, из-за проживания кота в сумке свалилась. Даже голубые глаза стали почти не видны.

Дружок пошёл на руки к Маше, нежно обнял лапами за шею.
Ткнулся носом в щёку. Девушке стало капельку легче.

Конечно, ничего такого ни Рыбчик, ни тем более Йокин предположить не могли. Йокин после отъезда Рыбца опять залез на диван и терпеливо созерцал кучу вещей, похожую на лежащего верблюда. Это то, что Рыбчик решил не брать в Африку, хотя сперва и приговаривал.

Паучок думал про свою мечту... В голову ничего не приходило. «У меня слишком много идей и мечт... – наконец решил Йокин. – Поэтому они остаются лежать – ведь их невозможно сдвинуть с места. Они давят друг друга. Для осуществления мечты нужно движение и свобода. Какая ж у меня мечта? А что, всё же просто, сейчас узнаю. Что попадётся, то и подскажет».

Он подошёл к вещам, наугад вытащил из кучи что-то. Оказалось – книжку. «Искусство перформанса: от футуризма до наших дней». Вспрыгнув на диван, Йокин закинул ноги на ноги, одной лапкой подпёр голову, в другую взял книгу, третьей стал листать страницы. Четвёртой почёсывал макушку. Вне сомнений, пауки идеально созданы для чтения. Лишь бы стремились к нему.

Йокин разглядывал чёрно-белые фотографии. Непонятное нагромождение предметов не вызывало никаких чувств, кроме скуки! Паучок задумался... Если столько людей делают что-то необычное на протяжении нескольких десятилетий, а другие люди смотрят на это, обсуждают и даже вот – написали об этом книгу, так может, дело не в них, а в нём самом? Он, значит, чего-то не понимает, в чём не должен признаваться? И Йокин решил стать самым модным паучком с передовыми взглядами в области современного искусства. Особенно – искусства перформанса. Тут даже рисовать ни к чему. Главное – разрушительно-обличающие идеи. Итак, он станет знаменитым мастером. И куда-нибудь, да перевернёт этот мир!

Йокин закинул книжку подальше и побежал на кухню есть оставшееся варенье. Его мечта нашлась так быстро, что даже неинтересно: «Рыбец, наверное, даже до аэропорта не доехал!»

Нашлась не только мечта Йокина, но и, как ни странно, дед Миша. Только нашёлся он неправильно. Потому что попал на глаза уборщице Оле. Эта самая Оля бубнила себе что-то под отёкший нос с красными прожилками. Когда она подошла поближе, медведь уже мог разобрать: женщина уговаривала себя, что, конечно же, она намного лучше коллег: нагловатой Гули и тихой Кати, которую вообще язык сломаешь, как там зовут на самом деле. Потому что Оля, хоть и выпивает иногда, но человек большой души. И не даст там всяким, да ещё уборщицам, над ней издеваться, и пусть зовут Ольгой Валентиновной, нечего! Тут Оли заметила, что в тёмном углу кто-то шевелится. «Никак – чупакабра!» – она присела от страха. «Пойду Гулю с этой, как её, кликну! А то кусанёт» – пообещала она этому кому-то углу и побежала прочь. Молоденькие уборщицы весело переглядывались и шутили про «белочку». Большой нос Оли наливался гневом, но до поры она терпела: «Я про них недавно фильм смотрела. На собак похожи, на доберманов. Только уши длинные и глаза синим светятся. И кровь они пьют, чупакабры!» Тут она ткнула пальцем в бок Кати, та вежливо взвизгнула. Как и ожидали Катя с Гулей, никакой чупакабры там, куда их повела Оля, не было. Только в дальнем углу валялся старый плюшевый медведь. «Выкинуть надо!» – проявила профессионализм Гуля. «Я те выкину! Раскомандовалась тут! Я его домой лучше отнесу, деда дразнить. У меня дед – точь-в-точь такая образина. Старый, плешивый, зенки жёлтые. Пусть на себя полюбуется! Выкинет она! Тебя б не выкинули...» И Гуля с Катипой в который раз вздохнули и сказали друг другу на родном языке, что хватит уже помогать этой противной тётке, которую они между собою называли Хазор-гейсу – Красавицей тысячи кос. Ведь Оля любила принарядиться во всё красное короткое, а вместо нормальной причёски у неё были криво заплетённые африканские косички. Это так Олина племянница, начинающий парикмахер, на Оле руку набивала.